

Д. П. КАЛИСТОВ

ЭТЮДЫ ИЗ ИСТОРИИ БОСПОРА В РИМСКИЙ ПЕРИОД

1. Боспор, Митридат Евпатор и Рим

В археологической и исторической литературе, посвященной Северному Причерноморью, давно уже вошел в обиход термин «римский период» для обозначения отрезка времени, начиная от I в. до н. э. и кончая, приблизительно, V в. н. э. Многие вопросы, связанные с научным раскрытием и определением этого существенного этапа в историческом развитии Северного Причерноморья, остаются недостаточно выясненными, а во многих случаях и почти незатронутыми научным исследованием. К числу таких вопросов может быть отнесен до известной степени и вопрос о характере политических взаимоотношений, установившихся между Римом и Боспором с того момента, когда оба эти государства приходят в непосредственное политическое соприкосновение.

До сих пор не только в современной, но и в прежней исторической литературе нет работ монографического характера, которые ставили бы своей задачей систематическое исследование этих взаимоотношений. Впрочем, последнее отнюдь не означает, что в общей и специальной литературе вообще отсутствовало более или менее определенное представление о характере римско-боспорских отношений. Еще со времени выхода в свет V тома «Римской истории» Моммзена, в результате попутных высказываний и исследований частных вопросов утвердилось мнение, что в развитии этих взаимоотношений решающая роль принадлежала только одной стороне, именно Риму. Пока римляне не были заинтересованы в подчинении Северного Причерноморья, их позиция ограничивается лишь политикой наблюдения за этим районом из соседних с ним провинций. Но когда такая заинтересованность, под влиянием ряда причин, не связанных непосредственно с Северным Причерноморьем, у римлян появляется, Боспор превращается в достаточной мере пассивный объект римской политики. Естественно, что местные боспорские силы, как фактор в той или иной степени влиявший на характер складывающихся взаимоотношений, не могли найти себе должное место в этой концепции. Такого рода взгляд характерен не только для представителей старой школы. В различных, хотя и не затрагивающих принципиального существа дела вариантах такой взгляд в одинаковой мере присущ Т. Рейнаку, В. В. Латышеву, Брандису, А. Л. Бертье-Делагарду, А. В. Орешникову и др. и, наконец, современным авторам соответствующих отделов IX и X томов «Cambridge Ancient History».

Нет нужды указывать, что в свете наших методологических установок и в результате ряда археологических, исторических и лингвистических работ и исследований советских ученых, в частности исследований Н. Я. Марра и С. А. Жебелева (имеется в виду прежде всего его работа о последнем Перисаде), вопрос о критическом расследовании концепции «всесильного Рима» приобретает особую, и не только научную, актуальность. Это следует из того, что, во-первых, речь идет об историческом прошлом района, неразрывно связанном с историей нашей страны; во-вторых, потому, что именно теперь фальшивая интерпретация истории, и в частности приувеличенные представления о римском могуществе, широко используется за нашим рубежом для целей, ничего общего с наукой не имеющих. Из всего сказанного вытекает, что в дальнейшем изложении, посвященном одному лишь звену в длинной цепи событий, образующих римский период в истории Боспора, в центре нашего внимания встанет вопрос о соотношении сил в процессе установления взаимоотношений между римской мировой державой и Боспорским государством. Были ли Боспор и окружающие его племена только пассивным объектом римской политики или перед нами сложный процесс борьбы и взаимодействия с перевесом сил то на одной, то на другой стороне?

В период третьей войны Митридата с римлянами, когда военный перевес уже явно был на стороне последних и когда Лукулл (70—71 гг.), захватывая на южном побережье Понта один город за другим, подходит, наконец, к столице Понтийского царства¹, сын Митридата Евпатора и его наместник на Боспоре, Махар, посылает Лукуллу золотой венок с одновременной просьбой включить его в число друзей и союзников Рима. Рассказ об этом событии дошел в изложении трех представителей античной историографии, в изложении Аппиана, Плутарха и Мемнона². Из них Мемнон, очевидно, в силу того, что он был уроженцем Гераклеи Понтийской, непосредственно затронутой войной, наиболее подробно сообщает об этом посольстве. По Мемнону, Лукулл, как и следовало ожидать, благосклонно (*ἀσμένως*) отнесся к предложению Махара и, в свою очередь, предложил ему прекратить снабжение осажденной Синопы продовольствием. Махар не только выполнил это требование, но даже переслал Лукуллу заготовленные ранее для отсылки войскам Митридата запасы, что и решило участь Синопы³.

Это удостоверенное единодушными свидетельствами трех названных авторов событие является первым, насколько нам известно, шагом Боспора в смысле установления непосредственных отношений с Римом. Однако в данном случае в термины *φίλος καὶ σύμμαχος* вряд ли приходится вкладывать какой-нибудь иной смысл кроме того, что Боспор вышел из войны и оказал помощь римлянам посылкой продовольствия, явившись своего рода отплатой за сепаратный мир. По крайней мере, в эпиграфическом и нумизматическом материале отсутствуют какие-либо данные, которые дали бы основания говорить о стеснении свободы действий Махара или установлении каких-либо других форм его зависимости от Рима⁴.

¹ См. Th. Reinach, — *Mithr. Eupator* (немецк. пер. Goetz, 1895), стр. 345 сл., где сведены основные источники.

² Plut. — *Luc.*, XXIV, A p p. — *Mithr.*, 83; M e m n., LIV (см. *«Scythica et Caucasica»* Латышева, стр. 510).

³ M e m n., LIV (*«Scyt. et Cauc.»*, p. 510).

⁴ Латышев — *Понтия*, стр. 95; Бертъе — *Делагард*, 300, т. XXIX, стр. 142, 210.

Очевидно Лукулл ограничился требованием продовольственных поставок, ибо в это время ему было не до Боспора. Подчинение всего Понтийского побережья еще не было закончено; предстояло еще захватить Амасию и в перспективе, при относительной ограниченности сил Лукулла, стояла необходимость продолжать военные действия уже на территории Армении¹. При таких условиях Лукулл, повидимому, не располагал достаточными средствами для более действительного подчинения Боспора, да навряд ли, после того как тот вышел из войны, ощущал в этом и необходимость.

Таким образом, измена Махара Митридату Евпатору не выходит за рамки эпизода, вызванного неблагоприятным для Митридата поворотом в ходе военных действий. Но этот эпизод не был исключением. Одновременно с Махаром Митридату изменяет и его полководец Диокл, также перебежавший «с золотом и множеством даров», предназначенных для «варварских царьков», на сторону римлян².

Причины такой неустойчивости в тылу, значительно облегчавшей римлянам борьбу с Митридатом, можно объяснить двоякого рода соображениями. Во-первых, тут могли играть роль военные неудачи Митридата, которые, естественно, должны были породить стремление отдельных частей неоднородной по своему составу Понтийской державы обеспечить свое будущее на случай окончательного поражения Митридата; во-вторых, и это представляется гораздо более существенным, здесь влияла и сама политика Митридата.

Выступление Митридата в Северном Причерноморье совпадает с периодом острого кризиса, охватившего главные городские рабовладельческие центры прибрежной полосы. Под влиянием этого кризиса Боспор, Херсонес и, повидимому, Ольвия оказались подчиненными не силой оружия, но сами добровольно изъявили Митридату свою покорность³. В истории античности это далеко не единственный случай добровольного отказа от автономии. Аналогии, относящиеся, в общем, к тому же периоду II в. до н. э.—I в. н. э., можно найти в истории ряда малоазиатских государств. Отсюда вытекает, что мы имеем дело с явлением, до известной степени, общего характера, обусловленного рядом общих для античного мира причин. Анализ этих причин привел бы нас к вопросу о социально-экономическом кризисе античного рабовладельческого общества, восходящем еще к концу V и IV вв. до н. э., замедленном развитием греко-македонской экспансии и вновь обнаружившемся уже в истории эллинистического времени. Являясь, в известной мере, органической частью античного мира, прибрежные города, естественно, не могли остаться в стороне от общегреческого кризиса. В Северном Причерноморье, может быть, с некоторым опозданием, ибо речь ведь идет об относительно далекой окраине, можно наблюдать те же явления социальной и экономической деградации рабовладельческого строя, вплоть до открытого выступления рабов и развития пиратского движения, этого неизбежного спутника

¹ Th. Reinach, op. cit., S. 353 f.

² App.,—Mithr., 78.

³ В отношении Боспора и Херсонеса этот факт непреложен. См. Strab., VII, 4, 4; IosPE I², № 402, с комментарием Лепера в ИАК, 45, стр. 23 и надпись IosPE I² № 352, в последний раз подробно разобранную С. А. Жебелевым и в «Известиях ГАИМК», вып. 70. В отношении Ольвии этот факт вытекает из нового, пока еще не опубликованного восстановления и толкования С. А. Жебелевым IosPE I² № 35. Об этой надписи см. Wilhelm, «Klio», XXIX, S. 50—59.

античных кризисов¹. Специфику в данном случае следует искать не в этих общих для всего античного мира явлениях, а в непосредственном соседстве Северного Причерноморья с «варварами». Именно здесь кроется главное отличие причерноморских городов береговой полосы от районов греческого Средиземноморья.

Бросается в глаза, что ослабление рабовладельческих городов побережья, вызванное кризисом, сопровождается параллельным процессом роста социальных, экономических и политических сил «варваров». В среде туземного населения в это время начинает проявляться тенденция к концентрации сил в формах, выходящих за пределы прежних племенных объединений. В этом отношении продолжительный период соседства с греками, с одной стороны, открывал возможность заимствования более совершенных форм социальной организации, а с другой—порождал естественную реакцию против колониальной политики прибрежных городов, основанной прежде всего на эксплуатации туземного населения².

Мы знаем, что в Крыму возникает Скифское государство Скилура и Палака, в котором нельзя не видеть одну из самых существенных форм враждебной городам побережья активизации «варваров»³. Таким образом, ослабление прибрежных рабовладельческих городов и рост враждебной им активности местного населения теснейшим образом связаны друг с другом. Здесь две стороны одного и того же процесса, подобно тому как процесс социального и политического упадка Римской империи под ударами кризисов и революции рабов изнутри был неразрывно связан с ростом активности «варваров» извне, которые под конец «объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим» (С т а л и н)⁴.

С конца III в. до н. э. «варвары», теперь уже располагающие своей собственной государственной организацией, переходят в энергичное наступление. Это явилось началом того движения, которое в дальнейшем развитии, по словам Энгельса, выливается уже в форме «общего наступления... по всей линии Рейна, римского пограничного вала и Дуная, от Северного до Черного моря...»⁵. В условиях ожесточенной борьбы с «варварами» и под влиянием внутреннего кризиса прибрежные города истощают собственные ресурсы. Поэтому появление на арене борьбы новой силы в лице Понтийского государства воспринимается ими совершенно особым образом. Конечно, понтийские цари, развивая свою деятельность в Северном Причерноморье, преследовали свои цели, далекие от интересов прибрежных городов, и последние, под угрозой «варварской» опасности, были вынуждены вступить на путь политики выбора наименьшего зла.

Последнее обстоятельство предопределило политику Митридата Евпатора на всем протяжении первого периода его деятельности в Северном Причерноморье. Бесспорно, наиболее ярким памятником этой политики

¹ О выступлении рабов см. у Ж е б е л е в а—Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре («Известия ГАИМК», вып. 70). Об экономическом кризисе у н е г о ж е — Экономическое развитие Боспорского государства, ИАК (1934), стр. 669 и сл. О движении пиратов на Черном море: E. Z i e b a r t h—Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland (1929), S. 22.

² Ср. Ж е б е л е в, «Известия ГАИМК», вып. 70, стр. 14.

³ Одновременно это государство, по ряду своих особенностей, дает основания для того, чтобы назвать его греко-скифским. Особенно ярко заимствования у греков и их влияние обнаруживаются в нумизматическом материале. См. О р е ш н и к о в, «Известия ГАИМК», т. II, стр. 121 сл.; «Нумизм. сб.», т. III, стр. 1 сл.

⁴ И. В. С т а л и н—Вопросы ленинизма. Изд. 10-е, 1936, стр. 547. Ср. там же стр. 527.

⁵ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. XVI, ч. 1, 1937, стр. 124.

является известный херсонесский декрет в честь Диофанта (IosPE I² № 352). В этом документе государство Митридата выступает в роли спасителя прибрежных рабовладельческих городов от внешних и внутренних потрясений. Отсюда ясно, почему альтернатива: зависимость от «варваров» или зависимость от Митридата, была решена господствующими в Херсонесе и на Боспоре группами в пользу последнего. По своей социальной природе, Понтийское царство Митридата было неизмеримо им ближе. С другой стороны, и не в интересах Митридата было портить отношения с местным населением в районе, которому он готовил роль тыла в предстоящей войне с римлянами (S t r a b., VII, 4, 3; A p p.—Mithr., 15).

Приводимые Страбоном (Ibid., 4, 6) цифры ежегодной дани в 200 талантов серебра и 180 000 медимнов хлеба, наложенной Митридатом, не говорят о тяжелом бремени. По данным того же Страбона (ibid.), Левкон посылал афинянам 2 100 000 медимнов. Если даже в согласии с Коцеваловым¹, величину ежегодного боспорского экспорта в Афины определить только в 800 000 медимнов, то и тогда указанная выше цифра дани составит только около 25%. Но при этом нужно учесть, что, по Страбону, 180 000 медимнов хлеба и 200 талантов серебра были наложены не только на европейский Боспор, но и на синдов и Таврический полуостров. Кроме того, не лишено основания предположение, что сюда же входит и дань, платимая Митридату некоторыми туземными царьками². Поэтому, существуют основания думать, что в условиях энергичной подготовки к войне с Римом политика Митридата преследовала прежде всего цель не извлечения дохода, а консолидации местных сил, повидимому, вокруг местного же центра, которым делается Боспор³.

Здесь политическое оформление его власти, после «добровольного» отказа Перисада, а потом и его смерти, решается водворением Митридата на престоле боспорских царей. Таким образом, личная уния, так сказать, механически ввела Боспор в состав Понтийского царства. Что касается Херсонеса, то, помимо уже отмеченного выше обязательства,—выплаты дани и некоторых ограничений в области чекана монеты⁴, вряд ли можно предполагать какие-либо существенные ограничения внутренней автономии города. Во время своих походов Диофант, когда ему понадобилась военная поддержка херсонесцев для борьбы с Савмаком, был вынужден не требовать, но обращаться к народному собранию с призывами оказать ему помощь—*παράχρησας τοὺς πολίτας* (IosPE I² 352). Следовательно, в это время херсонесская автономия еще продолжает существовать

¹ А. Коцевалов—Rh. Mus., XXXI, стр. 321 сл. Он полагает, что боспорский хлебный экспорт составлял 50% общей цифры импортируемого в Афины хлеба, составлявшей 1 600 000 медимнов.

² САН, IX, р. 233.

³ Эта политика находит свое отражение в нумизматическом материале, в котором с достаточной ясностью выступает тенденция к унификации монетных систем. См. Бертье—Делагард, 300, т. XXIX, стр. 207, сл. и т. XXVI, стр. 257. Ср. Орешников, «Нумизм. сб.», т. II, стр. 3 сл. В частности в связи с широким распространением практики перечеканки устанавливается новый средний вес 3,80—3,90 г и общий для Пантикапея, Фанагории, Горгиии и Херсонеса монетный тип с изображением пасущегося оленя, заимствованный из статеров и тетрадрахм Митридата. См. Бурачков—Кат. мон., табл. XV, р. 13—14 для Херсонеса; табл. XXII, № 168—для Пантикапея; табл. XXIII, № 20—21—для Фанагории и № 2—для Горгиии. Ср. G i e l—Kleine Beiträge, Taf. IV, f. 1—4, для Пантикапея и Фанагории.

⁴ См. статью Орешникова в «Известиях РАИМК», т. II (стр. 15), в которой он констатирует исчезновение имен магистратов с херсонесских монет.

в полном объеме, и Диофант обращается с городом, как с равноправным союзником. Это можно объяснить прежде всего тем, что Митридат, повидимому, не только не располагал дополнительными военными силами для более действительного подчинения Северного Причерноморья, но, как это вытекает из Аппиана (А р р.—Mithr., 13, 15, 19, 69), сам видел в этом районе, прежде всего, источник вербовки воинов¹. Если же власть Митридата над Северным Причерноморьем, в частности над Херсонесом, не могла непосредственно базироваться на военной силе, то и зависимость от него не могла быть полной. В этом смысле, очевидно, и следует понимать известное место Страбона (VII, 4, 3), где он рассказывает, как Херсонес, опустошаемый варварами, вынужден был пригласить Митридата в качестве своего «*πρωτάτης*». Повидимому, обнаружившаяся в предшествующем периоде неспособность Херсонеса самостоятельно защищать себя от своих соседей, явилась достаточной гарантией его преданности Митридату. Вместе с тем, пока Херсонес видел в своих взаимоотношениях с Митридатом надежную защиту от скифов и сарматов, у него, как и у остальных городов, вошедших в зависимость от Понтийского царства, не было оснований для недовольства новым порядком; но положение изменилось, когда под влиянием неудач и тягот, затяжных и повторных войн с Римом², Митридат меняет свою политическую ориентацию. Начав свою деятельность в Северном Причерноморье с походов против «варваров» и вооруженной ликвидации восстания рабов, он заканчивает ее политикой союзов с варварскими династиями и вербовкой в свою армию тех же самых рабов и пиратов³. До настоящего времени на эту сторону деятельности Митридата не было обращено надлежащего внимания. Поэтому до сих пор и причины, толкавшие этого эллинистического монарха на совершенно исключительные по своему радикализму политические шаги, равно как и перипетии его политики, остаются не вполне выясненными. Во всяком случае, несомненно, что уже с самого начала деятельности Митридата вооруженная борьба с «варварами» при опоре на прибрежные рабовладельческие города и широкое использование покоренных силой оружия племен для борьбы с Римом сочетались с практикой чисто дипломатического на них воздействия. Аппиан неоднократно упоминает о заключаемых Митридатом союзах с «варварскими» племенами. Так, в главе 57 «Митридатовой истории» рассказывается о посольствах Митридата к фракийцам, савроматам и скифам, а в главе 69 содержится перечень целого ряда «варварских» племен, граничащих с боспорской территорией и названных присоединившимися к нему союзниками. Из главы 101 мы узнаем, что Митридат обручает своих дочерей с могущественнейшими из «варварских» правителей.

¹ Предположение о существовании в Херсонесе постоянного понтийского гарнизона, которое насколько нам известно, было выдвинуто в литературе только Ю р г е в и ч е м (ЗОО, т. XII, стр. 3 сл.) и Р о с т о в ц е в ы м (сборник в честь Уваровой стр. 8 сл.), исключительно основано на двух главах, 102 и 108, А п п и а н а. Но в первой из этих глав, где рассказывается о бегстве Махара в Херсонес, ни словом не упоминается о существовании в нем гарнизона. Во второй же, в рассказе о восстании Фанагории, в фразе «все ближайшие укрепления, недавно захваченные Митридатом» (в число этих укреплений, как видно из дальнейшего перечня, входит и Херсонес) подчеркнута именно слово *ἀρτίηται*, что как раз говорит об обратном, т. е. о том, что до этого захвата город был свободен от оккупации.

² Об экономических последствиях этих войн см. Же б е л е в—Экономическое развитие Боспорского государства, ч. 2, стр. 673 сл. (ИАН, 1934).

³ P l u t.—Ром., XXIV; А р р.—Mithr., 107; Cp. Th. R e i n a c h, op. cit. S. 375 f.; Z i e b a r t h, op. cit., S. 37 f.

Аналогичные данные можно почерпнуть у Мемнона¹ и особенно у Юстина. Последний прямо говорит, что Митридат привлёк на свою сторону галло-греков, сарматов и бастарнов «различными благодеяниями» (*variis beneficiorum muneribus iam ante inllexerat*) (J u s t., XXXVIII, 3, 5).

Мы не возьмемся сейчас решать, в чем именно заключались эти «beneficia varia», привлекавшие «варварские» племена к Митридату. Может быть, то, что Митридат выступил против Рима, на территориях которого томилась в цепях рабства многочисленные сородичи его туземных союзников, сыграло в этом решающую роль. Одно ясно, фраза Аппиана (гл. 15), где он называет всех живущих на пространстве от Танаиса до Истра и вокруг Мэотиды друзьями Митридата, готовыми выполнять все его приказания, — не только риторический оборот. Даже тогда, когда Митридат, уже разбитый (65 г.), был вынужден с горсточкой своих телохранителей бежать на север, его продолжают радушно принимать и провожать богатыми дарами его туземные союзники (A p p.—Mithr., 101, 102), так что план обойти кругом весь Понт и, собрав здесь силы, снова обратить фронт против римлян (A p p.—Mithr., 101; Cp. F l o r u s, 1, 40, 20), имел под собой реальную почву.

Однако дальнейшие события показывают, что эта политика сближения с окружающими Боспор туземными племенами оказалась совершенно несовместимой с одновременным сохранением верности со стороны рабовладельческих городов побережья. Очевидно, интересы господствующего в этих городах класса нельзя было примирить с интересами более широких кругов туземного населения.

Очень интересен в этом отношении рассказ Аппиана о последовавших после измены Махара событиях (A p p.—Mithr., 102). Когда Махар узнал о приближении своего отца, поддержанного мэотийскими племенами, он оказался вынужденным бежать. При этом он не предпринимает никаких попыток опереться на туземные племена, бежит не в степи, а направляется прямо в Херсонес, этот, по выражению Плиния (P l i n.—Nat. Hist., IV, 85), наиболее греческий, — т. е. наиболее далекий по своему складу от «варваров», город побережья. Повидимому, не случайно в главе 108, посвященной восстанию Фанагории, Аппиан причисляет Херсонес к числу укрепленных пунктов, недавно захваченных (ἀρτίληπτα) Митридатом.

То, что было в дни Диофанта и сопровождалась установлением в честь него почетного декрета, не подпадает под понятие захвата. Кроме того, эти события в отношении к рассматриваемому времени произошли отнюдь не недавно, а отделены от него почти полувековым расстоянием. В таком случае остается предположить, что словом ἀρτίληπτα Аппиан хотел подчеркнуть гораздо более близкие события. Этими событиями могли быть только выступления Херсонеса и других городов² на стороне Махара против Митридата, ибо иначе нельзя объяснить факт их вторичного подчинения последним. Если же это так, мы приходим к выводу, что восстание городов во главе с Фанагорией было не единственным случаем открытого выступления против Митридата. При этом чрезвычайно важно отметить.

¹ M e m n o., XXX, συμμάχους δὲ Πάρθους καὶ... Σκοθίους βασιλέας καὶ τὸν Ἰβηρὰ προσήταρχον...

² Сочувствие Херсонеса программе Махара вытекает из последующего участия этого города в восстании, поднятом Фанагорией, которое шло под тем же лозунгом перехода на сторону римлян (см. A p p.—Mithr., 108).

что таким образом оппозиция со стороны городов возникает еще до того, как римляне блокировали Черное море, ибо Плутарх, от которого мы узнаем об этом факте, приурочивает его уже к деятельности Помпея¹. Следовательно, экономические следствия этой блокады, наряду с возросшими налогами и повинностями, не породили, а только усилили и активизировали существовавшую уже и до этого оппозицию со стороны рабовладельческой части городского населения.

С этой точки зрения измену Махара, поддержанную рядом городов, последующее восстание городов во главе с Фанагорией и, наконец, измену и переход на сторону римлян Фарнака следует рассматривать, как единое движение, направленное против чрезмерного радикализма политики местного общества. Характерно, что более широкие слои, и в первую очередь окружающие Боспор «варварские» племена, наоборот, остаются верными Митридату до конца. Аппиан, Дион Кассий и Орозий¹, сообщающие в общем одну и ту же версию о восстании городов и измене Фарнака нигде прямо не говорят об участии в этих событиях «варваров». Только одно известие Диона Кассия о брожении в войсках Митридата (*Dio Cass.*, XXXVII, 11), состоявших, как известно, преимущественно из «варваров», может внушить в этом отношении некоторые сомнения. Однако они рассеются, если сопоставить это известие Диона с соответствующим местом из Орозия (*Oros.*, VI, 5, 1—6.). Оба приводят один и тот же факт выдачи восставшими детей Митридата римлянам. Разница в том, что Дион говорит о нем в общей форме, опуская подробности, тогда как Орозий конкретно указывает, что римлянам было выдано четыре сына Митридата, причем инициатором этой измены был не «варвар», а вождь фанагорийского восстания Кастор. Имя Кастора в той же роли инициатора восстания Фанагории мы встречаем и у Аппиана (*A p p.—Mithr.*, 108). Из этого, следует, что в основе всех трех источников, в данном случае, лежит один и тот же круг первоисточников, из которого Орозий приводит наиболее подробные данные. Если это так, мы получаем право: во-первых, уточнить известие Диона данными Орозия; во-вторых, составить себе представление о событиях, непосредственно следующих за выдачей детей Митридата римлянам, на основании данных Аппиана. Поскольку, по Аппиану, Митридат и после подавления фанагорийского восстания продолжает посылать скифским династам своих дочерей и просьбы о помощи (*ibid.*)² т. е. не меняет своей тактики, можно прийти к окончательному выводу, что брожение в войсках, предшествовавшее фанагорийскому восстанию, о котором сообщают все три названных автора, происходило помимо участия в нем «варварской» части воинов Митридата. По Аппиану (*ibid.*, 109), даже в последние дни жизни Митридата, когда он потерял надежду получить помощь от скифов (*ibid.*), и положение его было близко к полной безнадежности, Фарнак все же не может решиться на открытое выступление и вынужден действовать под покровом ночной темноты. Очень интересно, что в рассказе Аппиана Фарнак начинает подстрекать к восстанию не «варварскую» часть войска, а римских перебежчиков. Да и тут, чтобы получить надлежащий эффект, ему приходится, по выражению Аппиана, представлять в «преувеличенном виде» грозившую им от похода в Италию опасность и обнадеживать их многими от себя милостями. Невсмотря на все это, когда настало утро, и римские перебежчики первые

¹ *P l u t.*—*Pomp.*, XXXIX. Об экономических следствиях блокады см. С. А. Жебелев — Экономическое развитие Боспорского государства, стр. 673 сл.

² *A p p.—Mithr.*, 108; *D i o C a s s.*, XXXVII, 10—14; *O r o s.*, VI, 5.

подняли клич к восстанию, остальные воины стали переходить на сторону Фарнака «скорее из страха и по принуждению, чем по добровольному решению» (φέβω καὶ ἀνάγκῃ μᾶλλον ἢ ἐκούσιῳ γνώμῃ συνεπύχουν).

Таким образом, недаром Помпей в дальнейшем вознаграждает фангорийцев автономией (A p p.—Mithr., 113). Инициатива последнего выступления против Митридата и перехода на сторону Рима целиком принадлежала городам побережья, ибо «варварские» племена в лучшем случае, как, например, в отмеченном выше факте отказа в помощи Митридату, играли в поднявшемся против него движении только пассивную роль. Само выступление Фарнака последовало уже после выступления городов и предшествовавшей ему безрезультатной попытки Митридата вступить в переговоры с Помпеем¹.

Аппиан и Дион (A p p.—Mithr., 110; Dio Cass., XXXVII, 12) видят побудительную причину измены Фарнака в стремлении таким путем добиться снисхождения римлян и удержать за собой царство. В данном случае Фарнак в основном повторяет попытку Махара найти выход из создавшегося положения в непосредственных переговорах с римлянами. Однако, очевидно, не страх перед внешней опасностью римского вторжения сыграл тут решающую роль. Дело в том, что военные действия Помпея вдоль Кавказского побережья натолкнулись на активное сопротивление албанцев и иберов². И тут эти племена «варваров» остались верными Митридату и не перешли в лагерь его врагов. Затянувшаяся война на Кавказе вынудила, в конце концов, Помпея отказаться от несомненно существовавшего у него первоначально плана вторгнуться в пределы Боспора (Plut.—Pomp., XXXIV). Таким образом, военная деятельность Помпея на этом участке может быть расценена только как крупная неудача, граничащая с поражением. Во всяком случае, непосредственная угроза римского вторжения на Боспор после этого отпала, ибо Помпей оставляет Кавказское побережье и возвращается в Малую и Переднюю Азию (ibid., XXXIX). Правда, сохраняется блокада северного побережья со стороны моря римским флотом (ibid.), но, как уже было упомянуто, эта блокада не породила, а только усилила и без того уже существовавшие противоречия в лагере Митридата. Кроме того, сохранение блокады уже после прекращения сухопутных операций еще больше подчеркивает провал первоначального плана, по всем данным задуманного как комбинированные действия на суше и на море. Только потерпев неудачу на фронте прямых военных действий, римское командование, в лице Помпея, оказалось вынужденным перенести центр тяжести на этот обходный маневр, рассчитанный уже не на внешний эффект, а на внутренние осложнения в тылу неприятеля.

Расчет этот мог оказаться правильным только при наличии предпосылок для этого во внутренней жизни Боспора. Учитывая опыт предшествующих событий, римляне, повидимому, это хорошо понимали, ибо блокада должна была ударить прежде всего по интересам торговых городов побережья. Расчет этот оказался правильным, так как под влиянием внешнего и внутреннего ослабления, раз став на путь политики поисков опоры извне, города эти уже не оказались в состоянии с него сойти. С другой стороны, после отмеченного выше поворота и

¹ A p p.—Mithr., 10; O r o s., VI, 5. Cp. R e i n a c h, op. cit., стр. 406 сл. и М о з з е н—Римская история, т. III, стр. III сл. (русск. изд. 1880 г.).

² Plut.—Pomp., XXXV; Dio Cass., XXXV, 54; XXXVII, 1—5; Strab., XI, 1, 6; E u t r o p., VI, 14.

политике Митридата, рабовладельческий Рим естественно стал им гораздо ближе, чем их прежний *πρωτάτης*¹.

Из всего изложенного следует, что главной причиной поражения Митридата были не его военные неудачи и очень сомнительное, в данном случае, военное превосходство римлян, но внутренний крах его политики. Попытка построить свое политическое влияние и власть над Северным Причерноморьем разом на двух, находящихся в постоянной вражде, силах окончилась неудачей, ибо эти силы были разделены непреодолимым барьером противоречий, в значительной мере классового характера. Несмотря на близкое соседство и постоянное соприкосновение друг с другом и в то же время вне зависимости от процесса социального расслоения внутри «варварского» общества, каждая из этих сил шла по своему историческому пути. И в то время, когда рабовладельческие города побережья, под влиянием глубокого кризиса всей той системы, которую они представляли, шли уже по пути вниз, в широких слоях туземного «варварского» населения постепенно созревали предпосылки, которые дали ему в дальнейшем силы, как говорит Энгельс, — «омолодить мир, страдающий от того, что старая цивилизация умирает»².

Вот почему уже в I в. до н. э. и Митридат и римляне вынуждены были прежде всего считаться с этой силой, как с главным фактором, определявшим собой сложившуюся к этому времени в Северном Причерноморье обстановку.

Эпопея Митридата закончилась трагическим для него образом, очевидно, потому, что в его время «варварское» общество еще не было в состоянии противопоставить себя античным рабовладельцам. Однако справедливая слава имени Митридата, как исторического деятеля первой величины, может быть, в том и заключается, что под конец своей жизни у него хватило решимости смело повернуть свою политику в сторону тех, за кем было историческое будущее.

Возвращаясь к вопросу о римской политике этого времени, следует, прежде всего, еще раз подчеркнуть, что своей победой над Митридатом римляне были обязаны не военной удаче, но сложной внутренней обстановке в самом Боспоре. Это была пассивная победа. Очень важно отметить, что римская политика ни теперь, ни в течение следующих десятилетий не может выйти за пределы пассивного восприятия событий, в значительной мере протекающих помимо непосредственного участия Рима. Конечно, в этом немалую роль сыграли острые внутренние потрясения в самом Риме, падающие на этот же промежуток времени. Однако они только частично могут объяснить это явное оскудение римской внешнеполитической мощи. Внешние для Рима причины безусловно сыграли тут

¹ Для позиции рабовладельческих городов во время митридатовских войн очень характерна аналогия с Афинами и Малой Азией. Здесь наблюдается тот же радикализм в политике Митридата. Преследуя цель объединения всех враждебных Риму элементов и широко используя для этого классовые противоречия современного ему общества, Митридат доходит до того, что некоторые из его мероприятий приобретают уже явно революционную окраску. В Малой Азии им широко проводится аннулирование долгов, раздача земель и освобождение рабов. В Афинах от его имени выступает Аристийон, раб по происхождению, и т. д. Совершенно понятно, что и здесь реакцией на эту политику было восстание против Митридата и переход на сторону Рима, еще в конце первой войны, ряда таких центров, как Смирна, Колофон, Эфес и др. См. Th. Reinach, op. cit., S. 133 f.; Момзен — Римская история, т. II, стр. 271 сл. (русский перевод изд. 1937 г.); С. А. Жебелев — Из истории Афин 229—231 гг. до нашей эры (1898), стр. 234 сл.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 133.

неменьшую роль. Недаром через античную историческую традицию красной нитью проходить мысль о непобедимости и грозной храбрости скифов. Особенно ярко это чувствуется у латинских авторов. Достаточно прочесть полные ужаса строки «Печальных песен» Овидия, который на коленях молит Августа спасти его от опасности, еле сдерживаемой водами Данувия (Ovid.—Trist., II, 185—204), или настоящий панегирик у Юстина (Just., XXXVII, 3, 1; XXXVIII, 7, 3) Митридату за то, что он успел подчинить прежде непобедимых скифов.

Как показал опыт похода Помпея, именно в силу этих причин боспорская территория оказалась за чертой досягаемости для римских войск. Поэтому термины *φίλος καὶ σφετεριστής*, имевшие в практике римской политики различное значение¹, в применении к Фарнаку должны были означать очень немногое. Во всяком случае, в нумизматическом² и эпиграфическом материале попрежнему отсутствуют какие бы то ни было следы стеснения боспорской независимости. Литературные же источники определенно говорят о военных мероприятиях Фарнака, направленных к расширению границ его царства вплоть до Танаиса³. В последнем случае уже, несомненно, таилась опасность рецидива митридатовских войн, ибо Евпатор начала подготовку к борьбе с Римом также с предварительного объединения и расширения территории своего государства (Th. Reinach, op. cit., S. 48—100). Мы не располагаем никакими сведениями о мероприятиях Рима по предотвращению этой явной опасности, если не считать выделения Помпеем Фанагории в качестве неподвластной Фарнаку и автономной единицы (App.—Mithr., 113). Только в этом можно видеть единственную слабую попытку римской дипломатии применить к Северному Причерноморью старый внешнеполитический принцип *divide et impera*. Впрочем, попытка эта обнаружила свой характер паллиатива: сразу же после того, как Фарнак приступил к выполнению задуманного им антиримского плана⁴.

¹ Dessau—Geschichte d. röm. Kaiserzeit (1924), I, S. 298 f.

² Монеты Фарнака см. Бурачко в—Общ. кат., стр. 228 сл. и Кенне—Опис. муз. Кочубея, т. II, стр. 138.

³ Strab., VII, 4, 3; XI, 2, 11; XI 5, 8. Ср. Brandis—Bosporos, III. RE., стр. 777 сл. и Латышев—Пантика, стр. 96.

⁴ App.—Mithr., 120; ср. Моммзен—Римская история, II, стр. 271 сл. (русский перевод изд. 1937 г.).